

ЗА ОЗЕРНЫМИ КРАБАМИ

(рассказ)

Матери моей, родившей двенадцать детей для мирного труда, любви и счастья

Тень от яблони сползла с меня, но я не ощущаю жара августовского солнца. Мое сознание, глаза и руки сосредоточены на деревянной заготовке, которая постепенно превращается в орудие охоты. Оно должно получиться не просто хорошим, оно, что важнее, должно быть лучше, чем у моего друга Ин Соля. Почему? Я не знаю, но так уж заведено между нами. В беге я должен быть быстрее него, в схватке на деревянных саблях ловчее, а в соревнованиях по плевку мой плевков должен лететь дальше. И я действительно бегаю быстрее, но это, скорее всего оттого, что у друга слабые легкие, плююсь лучше, потому что он не очень-то любит такое состязание. А вот, когда мы фехтуем, мне часто кажется, что Ин Соль нарочно уступает мне. Он старше меня на год и почему-то считает это преимуществом.

Наши отцы военные, преподают в офицерском училище, и мой отец – начальник отца Ин Соля. Это обстоятельство тоже играет какую-то роль в моем соперничестве с другом.

Если бы Ин Соль с матерью не отправился с утра в соседнюю деревню, чтобы проведать заболевшего дядю, мы корпели бы над деревянными заготовками вместе. Время бежит к обеду, а он все еще не вернулся. И я начал чувствовать беспокойство. Ведь мы договорились завтра идти за озерными крабами. Именно для ловли этих клешнястых, пучеглазых и шустрых бокоходов предназначено то, что я делаю, и которое должно быть лучше, чем у моего друга. Чем? Э-э, если бы я знал. Я и сам-то видел эту штуку один раз в жизни.

Одно я знаю твердо, если у меня будет орудие охоты лучше, то и добыча будет богаче. Конечно, ловлю крабов трудно назвать охотой, но это как понимать. В десять лет не пойдешь ведь на тигра. Правда, его и нет в наших краях,

поскольку обитает он лишь на севере Кореи, а я живу недалеко от Пхеньяна, в военном городке.

Мой отец рассказывал, как ему однажды довелось участвовать в охоте на полосатого хищника. Он тогда служил на севере. Его начальнику срочно потребовалось тигриное мясо, которое заказал еще больший начальник. Весь батальон отца два дня ползал по снегу, устраивая облаву, пока, наконец, не окружили тигра. На этом месте рассказа, как правило, следовала крепкая ругань, поскольку дальше следовал эпизод о том, как хищник, прорываясь из окружения, ударом лапы сломал шею одному солдату и схватил пастью за ногу другого. Но этот другой не растерялся и сумел в упор застрелить тигра. Очередь из автомата «пе-пе-ше» буквально изрешетила зверя. Его шкура висит у нас на стене, и я насчитал семнадцать дырок.

Тут обязательно надо сказать хотя бы несколько слов об этом автомате. О, это страшное оружие. Та-та-та, и половины взвода нет. У этого автомата такой круглый тяжелый диск, набитый желтыми патронами. Его делают русские и без него туго было бы нашим отцам на войне.

Такой автомат висит у нас дома на стене. Отец строго-настрого запретил мне прикасаться к нему, но не мог же я его не потрогать. Он такой притягательный, грозный, с отверстиями на кожухе ствола. Весь налитый тяжестью и угрозой. Я видел в кино, как отважный солдат Народной армии одной рукой стрелял из него по ненавистным лисынмановцам.

Минувшей осенью отец брал меня на охоту — стрелять перелетных гусей на острове, расположенном посередине реки Тэдонг. Мать пыталась возразить, поскольку уже было довольно прохладно, а мы ехали с ночевой. «Дети должны с юных лет готовиться к защите родины, уметь стрелять, переносить невзгоды. А охота всему этому учит». Эту мысль отец потом развивал веским тоном у костра, и все офицеры соглашались с ним.

Я видел, как стреляли по вспугнутым гусям. Автоматы тряслись в руках охотников, гильзы сыпались горохом. Но звуки выстрелов были не страшны — хлоп, хлоп, хлоп. Куда страшнее выглядело в этот момент лицо отца, искаженное от ярости.

Гусей тогда настреляли много, еще больше попадало в воду и унесло течением, и взрослые все сокрушались, что нет собаки. Да, хорошая штука автомат «пе-пе-ше». Когда я вырасту, у меня тоже будет такой же, и никто мне не будет страшен.

Но автомат автоматом, пока же меня больше заботит вопрос, как получается мой грозный краболов? Длина вроде нормальная, а то первую заготовку я испортил, решив от большой сообразительности сразу отрезать конец. Острие все не получалось, и я снова и снова стачивал конец. В итоге длина сильно уменьшилась, и пришлось начать с новой заготовки. Теперь я знаю, что отрезать конец всегда успеху. Детали орудия лова уже четко вырисовались, осталось доделать кое-что.

Нож у меня самый обыкновенный, кухонный. Почти час точил, чтобы сделать его хоть как-то острее. А вот Ин Соль, если он приехал, наверняка орудует армейской финкой.

Такие ножи были у американских солдат. Клинок как бритва, длиной с две мои ладони, заканчивающийся хищным оскалом, как голова рыбы-сабли. Сталь очень крепкая: Ин Соль не раз перерубал им гвозди на наших глазах.

Примечательной была и рукоятка, сделанная из какого-то серебристого легкого металла и так удобно повторяющая все изгибы сжатой ладони и пальцев, что, казалось, никакая сила не сможет вырвать его из рук.

Американских солдат, как мы слышали от фронтовиков, положили в войну тысячами, но таких трофейных ножей было почему-то мало. Всего один на весь наш поселок при военном училище. А ведь каждый взрослый житель был офицером и участником войны, отшумевшей всего два года назад. Разве кто-нибудь из них отказался бы от такого трофея, который пригодился бы в хозяйстве, на охоте или рыбалке. Или просто станет подарком для сына.

Все сверстники Ин Соля завидовали ему. Кроме меня, потому что мы с ним были закадычными друзьями, и я гордился, что у моего друга есть такой нож. И необычный отец, который совершил немало военных подвигов.

Когда офицеры поселка собирались вместе, то разговор, так или иначе, касался минувшей войны. Выпив водки, они вспоминали разные случаи, и врага называли снисходительно «парни» — «южнокорейские парни», «американские парни»... В рассказах фигурировали также негры, которые котировались уже как «черные парни», или «камдэ секи» (черные сукины дети). Все они выглядели громадными и устрашающими. Эти негры даже снились мне по ночам — двухметровые черные гиганты, с белым оскалом зубов и с неперменным ножом в руке.

Про отца Ин Соля рассказывали, что он схлестнулся в рукопашном бою с таким негром-гигантом и одолел его тем, что схватил того мертвой хваткой за мошонку. В это нетрудно поверить, поскольку каждый мальчишка знает, как это больно. Хотя в рассказе об этой схватке есть и смешная сторона. Особенно, когда представляешь, как огромный негр извивается перед маленьким коренастым корейцем. А отец Ин Соля очень сильный человек: хотя левую руку по локоть он потерял на войне, правую никто в поселке не может уложить в единоборстве. Да и сам трофейный нож разве не лучшее доказательство той яростной схватки?

Трудно, наверное, одной рукой управлять. Умыться, пуговицу застегнуть еще можно, я пробовал. А как завязать рыболовный крючок, или вытаскивать ножом что-нибудь?

Я посмотрел на свои руки. Как хорошо, что они обе целые и здоровые. Могут ими делать все, что угодно. Крепче сжал нож. Интересно, легко ли им заколоть человека. Я взмахнул рукой — вот, получай, черная собака! Нет, ножом страшно, лучше из автомата. Я вспомнил, как отец резал свинью. Сначала оглушил ее обухом топора, а потом резко всадил нож под левую лапку. Свинья подергалась и затихла. Все произошло так буднично и быстро, что было жутко.

Нет, лучше из автомата. Хотя из автомата тоже страшно. Говорят, раньше охотились из лука, но в это трудно поверить. Стрелы летят так вяло и на небольшое расстояние. Конечно, лук надо делать из бамбука, но кто его знает, как делать.

Вот рогатка — другое дело. Ах, рогатка, рогатка, как хочу иметь тебя. Из красной авиационной резины, с рогатулкой из толстой проволоки, ручка которой обмотана суровой нитью, чтобы была шершавой и не скользила в ладони. И такая рогатулка у меня есть, ее мне сделал адъютант отца. И кусочек кожи приготовлен. Вот только резины нет. Мать все обещает купить на базаре, может завтра и купит. Вот было бы здорово! У всех пацанов животы болят от

зависти. А Ин Соль, скорее всего, шмыгнет носом и скажет: «Ты и стрелять-то не умеешь».

Это я не умею? Да я в десяти шагах в сосновую шишку попадаю. Правда, всего один раз попал, но если потренироваться... «Каждый, кто будет тренироваться, будет метким. А нам надо быть меткими, чтобы защитить страну, — запел я. — Пусть только враг сунется к нам, все встанем грудью, ни у кого не дрогнет сердце, каждый умеет стрелять метко».

Завтра базарный день, и мама собиралась туда. Я глянул на дверной проем, где она время от времени показывалась и улыбалась мне. Но сейчас ее не было.

— Ма, ма! — позвал я. Мне вдруг так захотелось увидеть ее белое лицо в черном проеме.

— Чего тебе, сынок? — появилась она.

— Завтра на базаре купишь мне резинки для рогатки?

— Куплю, если будет.

Хорошо бы была. Ну что стоит продавцу резинок выйти завтра на базар. Дяденька миленький, выходи обязательно.

— Спасибо, ма!

— Не за что, сынок, — засмеялась мама. — Я ведь еще ничего не купила.

Моя мама самая красивая из всех женщин нашего военного поселка. И самая везучая, как говорят соседи.

Перед самой войной мама поехала в Синиджу, проведать родителей. И взяла меня с собой. А через два дня лисымановцы, как пишут в учебнике по истории, «вероломно напали на нашу страну», и началась война. Но наша народная армия тоже не спала, тут же дала отпор и даже Сеул захватила. Если бы не янки и негры, весь юг освободили бы. А так пришлось отступать. Хорошо, китайские добровольцы пришли на помощь.

Мама тоже была на фронте. Служила в медсанбате санитаркой. Хорошо помню, как после войны родители приехали за мной. Оба в военной форме, с орденами. «Везучая», — говорят о моей маме. Никого из родственников не убило, никого не увели на юг, и потому никто не проверяет нас. Муж цел, ребенок учится хорошо, сама на загляденье, что еще? Завтра-послезавтра генеральшей будет, может, мужа в столицу переведут. Мама от таких разговоров отмахивалась. Ничего не надо, лишь бы не было войны.

— Сынок, пора обедать, — позвал меня родной голос.

Есть хотелось давно, и я поспешил на кухню.

— Посмотри, ма, — похвастался я.

Она взяла мое творение, внимательно осмотрела его и похвалила:

— Молодец, сынок. Всех крабов переловишь.

Что-то в ее похвале было такое, что заставило меня самого еще раз критически осмотреть свое изделие. Назвать его грозным было бы большой натяжкой. Это не колотушка, не дротик, а самая простая лопаточка с длинной ручкой. Конечно, ею тоже можно ударить краба, но, попробуй, догони этого восьминогого. Да и много ли наловишь, гоняясь за добычей. Нет, тут кое-что похитрее. Это мы покажем там, на озере.

На обед была жареная скумбрия, которая мне очень нравится. Привозят ее, как и икру минтая, в больших деревянных бочках и выдают по карточкам каждой семье. Рыба такая соленая, что матери приходится вымачивать ее сутками.

А вот отец не любит эту рыбу. Говорит, что в войну наелся, да и в столовой училища ее подают чуть ли не каждый день.

В выходные дни отца часто не бывает дома. Если не на охоте или рыбалке, то, значит, в гостях. Взрослая мужская половина поселка — сплошь военные, часто собираются то у одного, то у другого офицера. Несколько раз очередь доходила и до нас. В такие дни мать не отходила от плиты, готовила уйму вкусной еды. Офицеры ели, пили, хвалили маму, вспоминали разные фронтовые случаи, играли в хато. Иногда ссорились, плакали, обнажали тайные обиды. Ко мне в начале пирушки относились очень благожелательно, удивлялись, что я уже такой большой, хотя мне так не казалось, заставляли исполнять различные команды, петь военные песни и хвалили — вырастешь, мол, будешь генералом, как папа. Хотя папа еще не был генералом, а только старшим полковником. А потом гости, возбужденные от выпитого, уже мало кого замечали кроме себя.

Я съел большую чашку каши из чумизы. Если бы она была из чистого риса, то съел бы в два раза больше. Честно говоря, чумиза мне сильно надоела, а вот рис, наверное, никогда не надоест. Его в нашем доме подают только отцу. Так надо, он взрослый, занят воинским делом, ему надо много сил. Отец иногда оставляет рис на доньшке чашки, и мать дает мне его доест. Остатки — сладки. Я как-то спросил Ин Соля, а твой отец, мол, оставляет тебе рис в чашке? Он как-то странно посмотрел на меня и сказал: «Нет. Он ест такую же кашу, что и мы». Я хотел похвастаться, что наш ест только белый рис, но промолчал, почувствовав, что этим лучше не хвалиться.

Сегодня как раз воскресенье, и офицеры собрались в доме у отца Сун Хи, которая учится во втором классе. У нее еще такие длинные косички, что их так и хочется дернуть.

После обеда работать не хотелось. Я повертел лопаточку в руках. Сойдет и такая. Лучше сходить к Ин Солю и узнать, как у него дела. Только я об этом подумал, как где-то хлопнул пистолетный выстрел, затем второй, третий. Что случилось? Я выскочил за калитку и пулей помчался по улице, в конце которой уже столпились люди. Голос матери, о чем-то вопрошавший, догнал меня на подступах к месту происшествия.

Месяц назад один заезжий офицер, напившись, застрелил дедушку Пака. Дед нянчил внуку перед калиткой, как этот пристал к нему — дай, мол, подержать ребенка. Старик испугался и хотел юркнуть в калитку. Пьяный закричал — стой, стрелять буду! И тут же выстрелил. Пуля попала дедушке прямо в затылок, хорошо еще, что девочку не задела.

Офицер потом валялся в канаве и кричал: «Да здравствует великий вождь товарищ Ким Ир Сен! Да здравствует Трудовая партия Кореи!». В поселке долго обсуждали эту историю, и все проклинали войну, которая отняла у офицера всю семью и сделала его таким психом.

И вдруг снова выстрелы обожгли сердце тревогой и жгучим любопытством.

Я с ходу врезался в середину толпы и увидел нескольких офицеров в майках, галифе и резиновых тапочках на босу ногу. У моего отца и отца Сун Хи в руках пистолеты. Перед ними валяется убитая собака с высунутым языком. Я еще увидел Ин Соля и протиснулся к нему.

— Что случилось?

Ин Соль оглянулся и обрадованно улыбнулся мне.

– А это ты, Ман Гир. Собака бешеная укусила Сун Хи, вот ее и застрелили. Надо девочке дать свежую печенку, иначе она может сойти с ума.

– И ты видел, как ее застрелили?

– Ага. Первый раз попали в ногу, потом уже твой отец догнал и прикончил. Ин Соль рукой изобразил, как это происходило, нажимая воображаемый курок и издавая звуки выстрелов – пах-пах.

Офицеры все еще не остыли от погони.

– И откуда она только взялась, сука такая, – зло говорил отец Сун Хи и тыкал босой ногой в бок собаки. Штрипки галифе болтались, дополняя несуразный вид офицера. Собака, словно тряпичная, отрешенно реагировала на толчки. Крови было немного, словно по шерсти мазнули красной краской.

– Утром она забегала к нам во двор, – завладел вниманием отец Ин Соля. – Еще подумал, чего это наша собака испугалась. Забилась в конуру и тихо воеет. И как это я не догадался, что это сумасшедший пес.

Отец моего друга единственный кто в кителе. Стесняется своего увечья. Его все очень уважают и потому слушают внимательно.

– Принесите нож, – велел мой отец.

Не успел отец Сун Хи исполнить команду, как Ин Соль подал свою финку. Отец взял ее, подержал на раскрытой ладони и кивнул, будто увидел старого знакомого. Затем велел растянуть передние лапы пса. Несколькими уверенными взмахами вспорол брюхо животного и в близком сплетении внутренностей выловил печень.

– Держи, – протянул он два багровых комка отцу Сун Хи. – Иди быстрее и накорми девочку.

– А как? – спросил тот.

– Ты что никогда не пробовал свежей свиной печенки? Так же нарежь на полоски и круто посоли.

– Понял, – и отец Сун Хи заспешил домой, смешно сверкая голыми пятками.

Я представил, как Сун Хи ест сырую печень собаки, и меня передернуло. Надо же, угораздило ее быть укушенной бешеной собакой. Видно, хотела погладить. С нее станется, вечно жалеет разных собачек, рыбок, птичек.

В числе зрителей был и дядя Сен Чер, работавший в училище вольнонаемным. Был он и за конюха, и за садовода, и за огородника, и за ремонтника, словом, мастер на все руки. Отец подозвал его.

– Дядя Сен Чер, оттащите собаку за бугор и закопайте.

Тон у отца был повелительный, но говорил на «вы», поскольку дядя Сен Чер гораздо старше него.

– А можно я заберу тушку себе?

– Зачем? – удивился отец. – Неужели хотите ...

– Да, – невозмутимо кивнул дядя Сен Чер. – Голову отрежу и выброшу. А мясо ведь не бешеное.

– Как хочешь, – разрешил отец и обратился к офицерам. – Идемте доигрывать хато.

Мы с Ин Содем, конечно, все досмотрели до конца. Как дядя Сен Чер завязал передние лапы собаки тонкой бечевой и поволок ее домой.

– Ин Соль, а ты сумасшедших людей видел когда-нибудь? – спросил я друга, когда мы остались вдвоем.

Он немного подумал и ответил:

– Конечно.

– Где? – изумился я.

– Где? – переспросил он. – У нас в деревне. Пьяные, они те же сумасшедшие. Потому как не соображают, что делают.

Ин Соль постучал кулаком по голове.

– Тогда выходит, что и грудные дети сумасшедшие.

– Сравнил тоже. У маленьких ума еще нет, понимаешь? И с ума сходить им не из чего. Помнишь того офицера, который застрелил дедушку Пака? Разве в нормальном состоянии он сотворил бы такое?

Нет, конечно. Кто же в нормальном состоянии будет ни с того, ни с сего стрелять в человека. Но тогда получается, что и отец тоже сумасшедший, когда сильно выпьет? Но я тут же отогнал эту мысль. Нехорошо так думать об отце, нельзя.

– Лопатку сделал? – спросил Ин Соль.

– Ага. Очень хорошая лопатка получилась. Легкая-прелегкая, – похвастался я.

– Нужна не легкая, а твердая, – возразил он. – А я свою лопатку еще не закончил. Пойду, доделаю. Потом еще кроликам надо траву нарвать. Значит, завтра в шесть на нашем месте у сосны. Смотри, не просп.

– Это ты не просп, – засмеялся я.

В девять вечера в поселке отключали электричество, так что все старались к этому часу управиться со своими делами и поужинать. Иначе приходилось возиться при свете плошек. Поэтому я заранее приготовил мешок, приделав к нему лямки из веревок, положил туда соль, спички и бутылку с водой. А «бен-то»* мать приготовит мне утром.

Перед сном я часто заново переживаю те или иные события, что произошли днем. Задним числом во мне всегда рождаются удачные фразы, я ловко дерусь и, если что-то не так, то успеваю попросить прощения. А потом думаю о дне наступающем, который несет столько нового и интересного. И с этой мыслью так приятно засыпать.

Но особенно сладко улетать в сон накануне радостного события. А что может сравниться с походом на озеро? Впервые мы с Ин Содем идем одни ловить крабов. В прошлом году нас с собой взяли старшие ребята, но до берега не допустили. Велели сидеть на бугре, чтобы не мешались. И нам досталась участь зрителей. Крабов, правда, они нам дали, но что за радость от чужих трофеев. Другое дело, когда сам наловишь. А мы наловим обязательно. Наловим обязательно. Наловим...

– Ман Гира, вставай, – голос мамы доносился словно издалека. Я протянул руки, и тут же ощутил ее ладони. Она приподняла меня и прижала на минутку. От маминого тела исходила теплая нежность.

– Вставай, охотник, а то все проспешь, – сказала она ласково.

Накормленный, снаряженный походным мешком, в котором находилось «бен-то» с еще горячей чумизовой кашей, и провожаемый улыбкой матери я вышел из дома на охоту за озерными крабами. О, я много их наловлю, полный мешок. Принесу домой, а мать положит их, еще живых, в таз с водой, и они будут там тереться друг о дружку и выпускать всякую грязь. Тем временем

* «Бен-то» коробочка с едой. Япон.

разогреется котел с маслом, и разом вываленные крабы издадут страшное шипенье и треск. Все окутается паром и едва будет видно, как самые отчаянные будут пытаться выбраться из котла. Но, увы, они тут же соскользнут вниз, замрут и станут красными. А потом будет пиршество. Мать накрошит в соевый соус чеснока, добавит перца и уксуса, и мы все будем макать в него нежное крабовое мясо. Отец обязательно выпьет «содю»* будет, как всегда, смачно есть, и похваливать меня с матерью. После ужина на столе останется гора панциря, высосанных и обжеванных клешней и ножек. Настоящее пиршество для собаки.

Воображаемая картина согревала душу, а «бенто» – спину, что было кстати: в предзакатный час с гор наползала прохлада. Где-то пропел одинокий петух. Проспал, видать, утро. Прозрачное небо с тающими звездами обещало хорошую августовскую погоду. Еще ничто не говорит о скором наступлении осени, разве что этот довольно прохладный утренний ветер. Скоро кончатся каникулы и надо идти в школу. А там столько встреч, рассказов, впечатлений. И новые учителя, и новые учебники. Не заметишь, как пролетит год и снова каникулы. Но в следующем году нам с Ин Солем будет не до отдыха. Ведь мы собираемся поступать в детскую военную школу. Чтобы стать офицерами, как наши отцы, чтобы защищать родину от лисынмановцев и янки. Мы им покажем!

Наше место встречи – искривленная сосна на окраине поселка. Такими деревьями, чьи стволы изуродовал ветер, усеяны все горы вокруг нашего поселка. Но эта сосна выделялась особенным переплетением стволов и веток, что можно было лазать по нему вдоль и поперек. Дерево было для нас местом частых сборищ, источником неиссякаемых фантазий в различных играх. Под его кроной каждый из нас побывал и благородным разбойником Хон Гиль Доном, устроившим засаду на ненавистных сборщиков налогов, и капитаном корабля, бороздившего моря в поисках новой земли. И действительно, когда заберешься на самую верхушку качающейся сосны, то окружающий мир кажется другим и совсем неизведанным.

Я пришел первым, но только привычно взобрался на нижнюю ветвь, как раздался знакомый свист – еще один предмет моей гордости за своего друга. Есть ребята, которые так свистнут, что хоть уши зажимай. Но ни у кого из них не получается таких переливов, как у Ин Соля. Фьить-фью-фью-фьи-ить... Нет, словами это не передать, это надо услышать. Потому что, когда слышишь, то неизвестно почему, хочется улыбаться. Но еще веселее становится, когда при этом видишь лицо насвистывающего друга. Озорное и такое веселое...

– Давно пришел? – спрашивает Ин Соль.

– Почти час назад, – заявляю я с укором. – Ты бы еще до обеда поспал, так что не спрашивай потом, почему нам ни одного краба не досталось.

– Налавливают много не тот, кто рано пришел, – качает головой Ин Соль.

– А кто же? – я прыгиваю с ветви.

– А кто вовремя пришел, – смеется друг и кричит: – А теперь наперегонки до первого перевала.

Он бросается вперед по извилистой тропе, ведущей к горе.

Ин Соль знает, что в этой гонке у него мало шансов выиграть, поэтому обещивает себе фору. Моим умением хорошо бегать он хвалится так же, как я его свистом.

* «Содю» – корейская водка

Его пятки блестят впереди меня. Тощий солдатский вещмешок болтается на спине, сверху торчит ручка грозного орудия ловли озерных крабов. Я знаю, что у друга в мешке тоже находится «бенито», ясное дело, с кашей из чумизы. А вот что уложено в чашечку для «хеми», а «хеми» – это все, что едят с кашей, приходится только гадать. Но наверняка что-нибудь вкусное: во всей деревне нет такой мастерицы вкусно готовить, как мать Ин Соля.

Я мог бы обогнать друга на середине подъема, но я все еще даю ему фору. Могу и проиграть, но Ин Соля этим не обрадуешь. Как-то он сказал мне, насупив брови: «Мне ни от кого, тем более от друга, подачек не надо». Потом добавил: «И тебе не дам радоваться легкой победе». Я тогда даже вздрогнул, поскольку мне показалось, что эти слова произнес не мой друг, а его суровый однорукий отец.

Я настиг Ин Соля почти у самого перевала. Он дышал как загнанная лошадь. Зыркнув взглядом, попытался, было, прилепиться ко мне сзади, но быстро отстал. Последние метры он бежал из последних сил, пока не свалился рядом со мной на траву.

Я замечал, что на вершине горы часто хочется смеяться и кричать. И такое ощущение, что можешь взлететь, если хорошенько взмахнуть руками. Однажды даже попробовал, когда никто не видел. Но, наверное, взмах был все же не тот.

Наш поселок с верхотуры выглядел как игрушечный. Белые домики под копной соломенных крыш выглядели стайкой грибов.

- Вон наш дом, видишь?
- Ага. А наш правее, нашел?
- Конечно.
- Вот бы сейчас из автомата, – закричал я в восторге. – Та-та-та-та.
- Как из автомата? – удивился Ин Соль. – Это же твой дом?
- Я же понарошку.
- И понарошку нельзя стрелять в свой дом.

Я хотел сказать, что он зануда, но что-то в его тоне удержало меня. Мы зашагали дальше.

За горой тропинка огибала большой овраг, по которому весной и осенью неся бурный мутный поток.

– Ин Соль, помнишь, как в прошлом году мы здесь нашли ржавый карабин? – спросил я друга.

- Конечно, – ответил он. – И еще кое-что.

Я внутренне содрогнулся, когда он напомнил про это «кое-что». Мы тогда увидели на стенке оврага ружейное дуло и полезли откапывать его. В самый разгар работы вдруг обвалился кусок глины и обнажил человеческие останки. Мы с криками выползли наверх, и больше сюда не возвращались. Этот скелет мне потом снился не раз и особенно страшен был оскаленный череп.

– Это, кажется, было здесь. Давай, посмотрим, что там осталось, – и Ин Соль шагнул с тропинки в сторону оврага

Его предложение отозвалось в моем желудке холодным комом, но я машинально шагнул за ним и, преодолевая страх, глянул вниз. Скелета не было, откосы оврага потрескались за лето, но все еще держали форму, отполированную весенним паводком.

- Ничего нет, – в голосе Ин Соля слабое разочарование.

А я откровенно рад, что все исчезло. До встречи с черепом мне довелось однажды испытать такой же панический страх. Мы играли в войнушку, и я решил спрятаться в заброшенной яме, где когда-то брали глину для разных нужд. Только притаился, как услышал чье-то шипенье. Я оглянулся и замер. Толстая, наверное, с мою руку, змея замерла в боевой стойке в нескольких шагах от меня. Немигающие зрачки и трепетанье раздвоенного жала невольно притягивали взгляд. Уже открыл, было, рот, чтобы с диким воплем рвануть оттуда, как заметил, что объектом охоты этого гада являюсь не я. Неподалеку от меня сидела зеленая лягушка и часто-часто дышала, не делая никаких попыток убежать. Мало того, она начала потихоньку ползти навстречу хищнице. А потом вдруг прыгнула, непонятно, правда, куда, как ее тут же настигла змеиная пасть.

Лягушка была большая, и змея долго проглатывала ее. Я все это время сидел в трех шагах от нее и наблюдал, как постепенно исчезают в пасти туловище, а потом чуть дрожащие перепончатые лапки. Потом змея бесшумно исчезла с моих глаз. А я побежал к ребятам, горя желанием поведать им увиденное.

Нотку недоверия к моему рассказу, как ни странно, внес мой друг Ин Соль. Он спросил:

— А ты лапы у змеи видел?

Дело в том, что мы с ним как-то до хрипоты затеяли спор на предмет того, как передвигаются змеи. Я утверждал, что у змеи, как и у всех живых тварей, есть конечности. Ин Соль категорически заявлял, что никаких лап нет, а есть особый способ передвижения. На что я стал логически развивать мысль, что в таком случае брюхо змеи волочилось бы по земле и очень быстро истерлось бы до дыр. Мы так и не пришли к единому мнению, так как никто не мог выставить доказательство — змею. И вот Ин Соль задал мне вопрос, и я замешкался. Видел ли я лапы? Зажмурил глаза и отчетливо представил желтобрюхую тварь. Нет, если честно, то никаких лап я не видел, но признаваться в этом не хотелось. И я пробормотал, что не обратил внимания. И весь мой рассказ потерял эффект.

Ну, почему мой друг такой неуступчивый?

Мы взобрались на новый перевал и присели отдохнуть, благо, особо спешить не было нужды. Охота на озерных крабов, как мы заметили, начиналась часов в десять утра, когда становилось уже довольно жарко.

— Когда я вырасту, то обязательно обойду всю Корею пешком, — сказал вдруг Ин Соль.

— Всю Корею? Это же огромное расстояние!

— Не такое уж огромное. Всего-то три тысячи ли*. Если в день проходить по пятьдесят ли, то всего понадобится два месяца.

— Да, а кто тебе позволит разгуливать по Южной Корее?

— Не знаю. Может к тому времени границы уже не будет.

Друг смотрел вдаль, и легкая улыбка блуждала по его лицу. Я почувствовал себя обделенным.

— И ты хочешь совершить это путешествие один? — почему-то голос мой снизился до шепота.

— Почему один? С таким другом, как ты. Если, конечно, захочешь.

* Ли — корейская мера длины, равная примерно 0,5 км.

– Я хочу. Я готов хоть сейчас отправиться в путь, – и вскочил на ноги. – Идем?

– Идем, – согласился Ин Соль со смехом.

И снова мы идем цепочкой, потому что тропинка узкая. Это хорошо: и ведущий и ведомый могут всегда прибавить шаг. Но не очень удобно разговаривать на ходу. Поэтому мы обмениваемся лишь репликами, которыми подстегиваем себя.

– Давай, поднажми, а то я буду наступать на пятки, – угрожаю я.

– Сначала догони, – и Ин Соль прибавляет шаг. – Влетаем наверх.

Друг издает вибрирующий рев двигателя и взбегает на пригорок. Я с таким же ревом взмываю за ним. Потом оба несемся вниз.

Впереди – последний перевал. Мы устали, и нам уже трудно изображать истребителей. Взобравшись на вершину, мы оба выпускаем победный клич. Внизу, в тающей дымке тумана серебрится чаша горного озера.

– Отдохнем или сразу начнем спуск? – спрашивает Ин Соль.

– Спускаться – это же не подниматься, – отвечаю я, загораясь охотничьим азартом. – Если будет рано, то на месте отдохнем.

Конечно, спускаться с горы легче, чем подниматься. Но иногда опаснее. Тропинки часто бывают такими скользкими. Но еще коварнее сухого песка тонкая гладкая трава, напоминающая волосы. Иные склоны сплошь покрыты этим шелковистым ковром, и мы часто катаемся летом по нему на досках. Не хуже чем зимой на санках.

– Осторожнее, здесь очень скользко, – предупреждает меня Ин Соль, и сам чуть не падает. При этом взвизгивает от восторга. – Главное, приседай.

Его совет очень дельный. Если падать, то ни в коем случае не вперед, а только назад. Для этого попросту надо присесть. Кое-что, конечно, можно сильно поцарапать, но это же лучше, чем оцарапать лицо.

Падений не удалось избежать ни Ин Солю, ни мне. Но что эти царапины по сравнению с тем восторгом, что испытываешь при захватывающем дух скоростном спуске?

И вот оно – заветное озеро. За лето уровень в нем упал на несколько метров, обнажив довольно большой участок пологого берега. И этот участок весь в трещинах и дырках. Дырки – это норы, где живут крабы. Летним утром, когда солнечный свет и тепло особенно желанны для любого существа, крабы выползают из своих темных и холодных жилищ. Высунув из норы половинку своего укрытого панцирем тела, они замирают, блаженно пуская мелкие коричневые пузыри. Это самый благоприятный момент для охоты на них.

– Вот он, краб, – прошептал Ин Соль. – А рядом другой, третий...

– Да их тут тысячи, – выдохнул и я. – Начнем ловить?

– Конечно. Только, давай, разденемся сначала.

Мы сняли рубашки и резиновые тапочки, подоткнули штанины. Приделали к мешкам веревочные петли и одели их на шею. Взяли в руки лопаточки и на короточках по-утиному двинулись к норам.

Первого в своей жизни озерного краба я взял очень легко. Хотя его глазки торчали как камышовые поплавки, он не замечал меня, увлеченный пусканием пузырей. И дал мне возможность спокойно приблизиться к нему на расстояние вытянутой руки и пустить в ход оружие. Я воткнул лопатку под углом чуть ниже цели. Краб тут же очнулся и хотел дать деру, но ход в нору перекрыт

моей острой лопаткой. Проворно хватаю краба за шершавую спину и кидаю в мешок. Вскоре туда полетели новые трофеи. На пятом крабе я замешкался, и он вцепился клешней за мой большой палец. Я вскрикнул от неожиданности и боли, но тут же прикусил губу. Тишина – залог любой успешной охоты. На месте укуса показалась кровь, и я пососал ранку. Ничего, заживет быстро.

После двадцати я перестал вести счет. Зачем? Это оказывается так просто – ловить озерных крабов, что даже соревноваться ни к чему. А между тем мешок все набухал, и волочить его за собой становилось все труднее. Я выпрямился. Ин Соль тоже прекращает охоту. И весело спрашивает:

– Много поймал?

– Конечно. Только больших крабов почему-то нет, – жалуясь я.

– Для озерных крабов и эти достаточно большие, – успокаивает он. – Давай, поймал еще с десятков и закончим. А то тяжело будет нести.

Интересно, что вначале крабы мне не казались маленькими. Но когда ловить их стало привычно и просто, захотелось более крупных экземпляров. И несколько настоящих великанов попались: я еле ухватывал растопыренными пальцами за их угловатые панцирные спинки, похожие на «ленин мо»*.

Я честно отловил еще десять крабов и потащил мешок к озеру. Ин Соль тут же присоединился ко мне. Мы отмыли грязь с мешков и выстирали штаны. А потом легли прямо голышом на пригорок погреться.

– Будем на попке кататься? – спросил Ин Соль, когда наша гусиная кожа разгладилась под солнечными лучами.

– Конечно! – воскликнул я.

Мы нашли самый крутой склон к воде и принялись ногами утрамбовывать дорожку. Щедро полили ее водой.

Тот, кто первым скатывается вниз, своим задом выравнивает неровности. Иногда это может быть и больно. Но чтобы быть вторым, надо выиграть в «дянг ке сок»**.

– Дянг ке сок!

Мы оба выкинули «одеяло». В таких случаях Ин Соль во второй раз часто повторял первую фигуру в надежде, что я решу, что он выкинет «ножницы», и потому покажу «камень». Но я изобразил ножницы и выиграл.

Ин Соль сел голым задом на дорожку и с криком покатылся вниз. На черной глине четко пропечатались два волнообразных углубления. Настала моя очередь.

– Мы несемся на белой легковой машине! – закричал я и съехал почти до самой воды.

– Мы тоже на белой легковой машине! – повторил мои слова Ин Соль с восторгом.

После каждого спуска дорожка с двумя ложбинками становилась глаже.

– Ин Соль, давай в самом конце сделаем бугорок, чтобы оттуда сразу падать в воду.

– Это замечательная идея, – подхватил он. – Сразу видно, что питаешься не одной чумизой.

* «Ленин мо» – буквально «ленинский головной убор»: так у нас называли кепку.

** «Дянг ке сок» – традиционный способ решения спора у корейских детей путем одновременного выбрасывания рук, изображающих «ножницы», «одеяло» или «камень».

Это у нас такая присказка. Во время соревнования один другому так и говорит: ну, посмотрим, что ты ел сегодня – чумизу или белый рис. Если проиграл – эх, опять чумизу ел. Выиграл – о, и рис тебе тоже перепадает.

Мы соорудили замечательный трамплин: и хотя парение в воздухе длилось одно мгновение, это было великолепное мгновение.

Вдоволь накатавшись и искупавшись, мы вернулись на пригорок. Мешки, наполовину темные от сырости, чуть шевелились от копошения крабов и издавали шорох и треск.

– Будем обедать? – предложил Ин Соль.

– Конечно.

Мы снова улеглись на пригорке, но уже друг против друга. Наши головы чуть ли не касаются лбами, лица же обращены к «бенито», что лежат перед нами. Коробки совершенно одинаковые, поскольку их делал один и тот же мастер – слесарь автомастерской военного училища. Материалом послужила обшивка сбитого американского самолета. Серебристый металл был теплый, значит, каша еще не совсем остыла.

– Что вкусенького взял, Ин Соль? Все знают, что твоя мать мастерица готовить.

– Твоя мать тоже вкусно готовит, – отблагодарил Ин Соль.

Мы почти одновременно открыли крышки. Запах еды ударил в нос, вызвав слюну и урчание в желудке. Основная масса «бенито» – каша, она у нас одинаковая, сварена из чумизы. А вот салаты и приправы, что лежат в отдельном маленьком корытце и носят общее название «хеми», разные. Мать наложила мне кусочки обжаренного на масле «тубу»*, расщепленное на волокна говяжье мясо, сваренного с зеленым перцем и чесноком в соевом соусе, маринованный чеснок и красные кубики соленой редьки. Обозрев свой обед, я тут же глянул на «бенито» друга и первым делом увидел редкий деликатес – присыпанные кунжутом анчоусы. А рядом – обжаренные черные древесные грибы, приправленные свежим чесноком, кусочки «дораци» (съедобный корень), приготовленные так, как умела делать только мать Ин Соля.

– У нас настоящая еда янбаней? – воскликнул я.

– Да, – согласился Ин Соль. – Благодаря нашим матерям. Давай, я угощу тебя анчоусами.

Он поддел палочками горсточку маленьких рыбешек и перебрал в мою коробку «бенито». Я не остался в долгу: мои палочки так же бережно отослали ему пучок говяжьих волокон и несколько зубчиков маринованного чеснока.

Мы жадно набросились на еду. Каша в коробке утрамбовалась, так что не надо приминать ее палочками. Комочек чумизы в рот, затем «хеми», туда же кубик редьки или чеснока, и загнать пережевываемую массу острой соевой пастой. И все время соблюдать соотношение каши и разносолов, чтобы в конце трапезы они свелись к «нолю» одновременно. А после обеда непременно глоток холодной воды.

– А-а, вкусно, – отпав от фляги выдохнул Ин Соль. – Наелся, Ман Гир?

– Живот набил, – благодушно ответил я. – Как ты думаешь, что на свете самое вкусное?

* «Тубу» – так по-корейски называют соевый творог.

** Янбанин – дворянин.

– Не знаю, – пожал плечами друг. – И, наверное, никто не знает. У всех ведь разные вкусы. Но даже самое вкусное становится невкусным, если его есть каждый день.

– Я бы каждый день ел рис, и он бы мне не надоел.

– Рис другое дело. Потому как мы его едим с разными «хеми». Вот если бы тебя каждый день кормить крабами. Утром, в обед и вечером. Как?

– Конечно, надоест.

Мы посмотрели на мешки с крабами.

– Давай, посмотрим, кто самого большого поймал? – предложил я.

– Давай, – согласился Ин Соль.

Я открыл мешок. Специфический запах ударил в нос. В шевелящейся массе не так-то легко было выловить отдельного краба, если бы те, что покрупнее, сами по себе не оказались наверху.

– Видал, какой?

Краб, тот самый, которого я при ловле еле удержал одной рукой, теперь надежно был зажат моими десятью пальцами.

– Большой, – согласился Ин Соль и вынул из мешка своего краба. – Но у меня не меньше.

Его красавчик тоже заслуживал внимания. Особенно, когда Ин Соль стал махать им перед моим лицом с угрожающим рычанием. Я тоже стал махать своим крабом.

– Слушай, давай сделаем так, чтобы они подрались.

– Давай, – в голосе Ин Соля сдержанная решимость. – Только, чур, их не отрывать от земли.

Мы сели напротив друг друга, и каждый стал подталкивать своего краба навстречу сопернику.

Первое столкновение не привело к драке. Крабы бестолково махали клешнями, и все норовили уползти куда-то вбок.

– Еще раз!

Мы отвели своих бойцов на исходные позиции, и начали новое сближение.

– Мы страшные богатыри, – зарычал я. – Мы советский танк, урр-р...

– Подожди, – остановился Ин Соль. – Если ты советский танк, то кто я?

– А ты американский, – заявил я. – А потом мы поменяемся. Это же игра. Вперед, мы – непобедимый советский танк, урр-р...

– Американский танк тоже ничего, – возразил Ин Соль. – Урр-р. Стреляем из пушек, бах, бабах!

– Таких снарядов мы не боимся. Наша броня самая крепкая в мире, ура!

– Американский танк тоже ничего, – тон его голоса был невыразителен. Конечно, кому в кенедээре охота быть американским танком.

Крабы снова схлестнулись. На этот раз в клешню моего «танка» попала ножка вражеской «машины». Я дал резко задний ход, и ножка оторвалась. Ин Соль опешил.

– Ах, ты так, да! – и он стал наступать, норовясь клешней оторвать конечность моего краба.

– Советский танк быстр, урр-р.

– Американский танк тоже быстр.

Он догнал меня, и мне пришлось повернуться лицом к «врагу». И тут Ин Соль, забыв о правилах, оторвал свой «танк» от земли и сверху спикировал

на меня. Крабовые конечности сплелись, панцирь бился о панцирь, а потом... А потом я увидел, что в клешню моего бойца попала на этот раз вражеская клешня. Не знаю, как так получилось, но моя левая рука поспешила на помощь: двумя пальцами я зажал верхний и нижний резак клешни своего танка и дал задний ход. Удивительно все-таки, как легко отрываются лапки у краба!

– Ты чего хулюздишь! – закричал Ин Соль. – Я тоже так могу.

Он раскрыл оставшуюся клешню своего краба и подвел его к моему «танку». Но клешня моего «танка» вцепилась за палец противника, и противник руками вырвал грозное оружие с мясом из панциря.

Я не остался в долгу, тоже пустил в ход руки и тоже обезоружил врага. Краб без клешней, что танк без пушки. И тогда... И тогда Ин Соль выхватил мой «советский танк» и швырнул в сторону озера, произнес при этом нехорошее слово. Злость охватила меня, и я тоже схватил его «американца» и бросил его прямо... в лицо «врагу». И тут же получил оплеуху. Это было так неожиданно – получить от друга удар в лицо, что я ослеп от ярости и бросился на него. Он упал на спину, но я не смог удержаться наверху. Но и ему не удалось уложить меня на лопатки: скользкий берег лишил каждого из нас устойчивости. В пылу драки мы опрокинули мешки, и вслед за ними съездили вниз к воде. Мы выкрикивали какие-то несвязные слова, боролись и били друг друга, машинально вытирая грязь с лица. А потом вдруг опомнились, тяжело дыша и, глядя друг на друга мутными от злости глазами. И тут Ин Соль неожиданно всхлипнул, схватил свой сильно опустевший мешок и побежал к пригорку. Там он подобрал свою одежду и скрылся в зарослях орешника.

Я хотел остановить его, но язык не повернулся окликнуть его. В горле словно застрял ком, и все кругом воспринималось в каком-то неестественном свете. Будто я это не я, и все случилось не со мной. Я посмотрел на пригорок и только тут ощутил, что друга больше нет рядом. И заплакал. Никогда еще я не чувствовал такую боль от потери, не чувствовал такого горя и так не сожалел о содеянном. Мне надо догнать его, не знаю, что скажу ему, но если я не окажусь сейчас рядом, он исчезнет навсегда.

Я бросился в воду и торопливо смыл с себя грязь. Подобрал мешок – удивительно, что не все крабы сбежали – и взлетел на пригорок. Штаны, рубашка, и подо мной уже убегает тропинка, ведущая к перевалу. Быстрее, быстрее! Я догону его, я всегда догонял его.

Но в этот раз мне не удалось догнать друга. И только спускаясь к родному селу, я вдруг понял, почему. Его не было впереди меня, он остался там, на озере. И я почувствовал себя обманутым, во мне вспыхнула обида, как вспыхивала она всегда, когда мы были вместе и ссорились из-за чего-то. И, как ни странно эта обида вдруг принесла облегчение и надежду. Раз обижаюсь на него, значит, он все еще друг мне. Значит, еще ничего не потеряно. Завтра мы снова встретимся, и уйдет в небытие наша дурацкая драка, в которой я виноват больше, чем он. И зачем мне надо было изображать из своего краба советский танк и, тем самым, заставлять Ин Соля выступать за американскую сторону? Что такое танки – советские или американские? Вон за деревней стоят две обгоревшие машины, груда металла, да и только. Разве они стоят того, чтобы из-за них я подрался с другом? Нет, Ин Соль, даже все танки мира не стоят нашей дружбы. Прости меня, друг...

Как бы я ни приободрился мыслями о завтрашнем примирении, мать сразу почувствовала мое истинное настроение. Похвалив меня за богатый улов, она тихо спросила:

– Что-то случилось, сынок?

Глаза матери излучали свет и нежность. Как всегда хотелось рассказать ей все, но я сдержался. Я уже не маленький, и мне трудно выказывать слабость и боль.

– Все хорошо, ма.

– Ну и ладненько. Кто переживает, тот желает. А желания обязательно сбываются.

Было так, как я желал: мать пожарила крабов, отец ел, пил и хвалил меня. Но радости в моей душе не было. Долго не мог уснуть, все время вспоминались разные моменты ссоры, и самым ужасным было то, что уже ничего нельзя изменить.

Прохладная мамина ладонь прикоснулась к моему лбу, и я проснулся.

– Ты не заболел, сынок? – спросила она. – Ты разговаривал и кричал во сне. Что-то страшное приснилось?

Если бы приснилось... Лучше бы не просыпаться.

– Вставай, Ман Гир. Твой друг уезжает, а ты валяешься в постели.

– Какой друг?

– Как какой? Твой друг – Ин Соль. Вышел приказ, всех инвалидов уволить из армии. С утра за ними придет машина. Так что давай поспеши, сынок, если хочешь с ним попрощаться.

Еще издали я увидел, что возле дома Ин Соля стоит грузовик и сгрудились люди. Выносили вещи. Показался Ин Соль с большим узлом, и лицо его было каменно-незнакомым. Женщина рядом вздохнула и прошептала:

– Что это творится на белом свете? И все война...

В другое время я бы первым помогал нести Ин Солю вещи, и предстоящее расставание не было бы таким мучительным как сейчас. Я не мог заставить себя подойти к нему. Только беспрерывно смотрел на друга, когда он показывался. Наконец, вся его семья вышла из дома. Следом несколько офицеров, и с ними мой отец в том числе. Отец Ин Соля как-то сразу состарился, а когда снял фуражку, в глаза бросилась седина.

– Спасибо вам за все, – сказал он и поклонился.

– И тебе спасибо, товарищ Пак, – сказал отец и обнял сослуживца. – Желаю тебе и твоей семье благополучия!

Мне тоже хотелось обнять Ин Соля. И если бы он подал хотя бы какой-то знак, я бросился бы к нему. Но он был какой-то отрешенный.

И вот уже шофер завел двигатель: отец Ин Соля сел в кабину, а мой друг с матерью и сестренкой устроились в кузове. Машина тронулась, и я побежал за ней, маша рукой и надрывно выкликая его имя. И он словно только сейчас увидел меня, привстал, поднял руку и что-то бросил в мою сторону.

На обочине дороги лежал нож американского десантника. Мой друг Ин Соль отдавал мне свою самую дорогую вещь – боевой трофей отца, свидетельство его воинского подвига. Но в тот момент я думал не об этом: мне казалось, что моя рука сжимает зазубренный осколок войны, ударивший меня прямо в сердце.